

Юрина Марина Анатольевна

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ КРАЙНЕГО СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ

В статье освещаются ведущие тенденции литературных связей в художественной прозе Крайнего Северо-Востока России, которые почти не исследованы в современном литературоведении. Особое внимание уделяется значению русской классической и новейшей литературной традиции в процессе становления литературы края. Впервые делается акцент на своеобразном характере усвоения творческого опыта русских писателей - от непосредственного их участия в становлении младописьменных литератур до "скрещивания" творчества различных авторов внутри Северо-Восточного региона. Показаны особенности влияния лирической прозы на творческое становление О. Куваева и А. Мифтахутдинова и пути усвоения последним традиций В. Г. Тана-Богораза.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/3-2/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 3(81). Ч. 2. С. 265-268. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82.091

В статье освещаются ведущие тенденции литературных связей в художественной прозе Крайнего Северо-Востока России, которые почти не исследованы в современном литературоведении. Особое внимание уделяется значению русской классической и новейшей литературной традиции в процессе становления литературы края. Впервые делается акцент на своеобразном характере усвоения творческого опыта русских писателей – от непосредственного их участия в становлении младописьменных литератур до «скрепления» творчества различных авторов внутри Северо-Восточного региона. Показаны особенности влияния лирической прозы на творческое становление О. Куваева и А. Мифтахутдинова и пути усвоения последним традиций В. Г. Тана-Богораза.

Ключевые слова и фразы: литературная традиция; специфика литературного развития; национальная художественная проза; региональная культура; инонациональная тематика; проблема двуязычия; метод; стиль.

Юрина Марина Анатольевна, к. филол. н., доцент
Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан
frigg@maglan.ru

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ КРАЙНЕГО СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ

Художественная проза Северо-Востока России – особое явление в истории культуры страны, сформировавшееся под «сенью» традиций классической и новейшей русской литературы. Это выразилось в целом комплексе воздействий, скреплений и взаимовлияний. Важно, что в результате обогащалась не только региональная, но и «большая» литература. По словам одного из крупных исследователей, «взаимодействия с народами страны во многом определяли судьбу русского народа, взаимодействия с литературами страны – судьбу русской литературы» [7, с. 35].

В связи с этим изучение основных явлений и закономерностей литературной истории Северо-Восточного региона, связанных в том числе и с определённым, если не решающим, влиянием традиций «большой литературы», достаточно перспективно и с точки зрения постижения процесса культурного развития малой родины, и в плане осмысления национального значения русской классической прозы. Это ведёт к осознанию не только особой специфики литературного развития региона, но и многообразных «линий и пересечений» в мировом культурном процессе.

Художественная проза Крайнего Севера имеет длительную и богатую событиями историю. Интересной её особенностью является то, что северную литературу создавали не только национальные авторы. Её нельзя представить и без книг собственно русскоязычных писателей, таких как Н. Шундик, О. Куваев, А. Мифтахутдинов. Они внесли весомый, если не определяющий, вклад в сокровищницу региональной и общероссийской культуры.

В истории взаимосвязей большой литературы и прозы региона прослеживается несколько тенденций. Первая связана с интересом русских писателей к Сибири и Дальнему Востоку, Крайнему Северу. Был накоплен значительный художественный опыт в изображении жизни, нравов, быта обитателей отдалённых районов страны. Произведения Аввакума (XVII в.), А. Радищева (XVIII в.), А. Чехова, В. Короленко (XIX в.), В. Арсеньева, А. Фадеева, Н. Задорнова (XX в.) и других писателей, разрабатывавших инонациональную тематику, сыграли важную роль в формировании литературы края, послужили своего рода образцами для большинства рассказов, повестей, романов северных прозаиков.

Кроме того, некоторые русские писатели (А. Горький, Н. Задорнов, Ю. Шестакова и др.) оказывали непосредственную помощь национальным авторам (Т. Одулок, Г. Ходжер, Д. Кимонко), что повлияло как на формирование их творческой индивидуальности, так и на общий процесс становления младописьменных литератур края.

Третья тенденция, не менее важная в истории литературы региона, связана с влиянием произведений авторов, непосредственно не обращавшихся к теме Севера. Метод, стиль, творческий почерк таких писателей, как И. Тургенев, А. Горький, Л. Леонов, М. Булгаков, Ю. Казаков, В. Аксёнов и другие, оказали воздействие на литературные поиски и русских прозаиков Северо-Востока, и национальных авторов. Так, например, Ю. Рытхэу прямо признавался о влиянии автобиографической трилогии А. Горького на замысел своего эпического полотна «Время таяния снегов». Раннее творчество русского писателя оказало воздействие на художественную структуру повести-легенды первого чукотского прозаика «Когда киты уходят», некоторые персонажи которой (Нау, Армагиргина) восходят к образной системе рассказа «Старуха Изергиль». Романтическая аура ранних горьковских рассказов угадывается и в композиции, стиле книги Ю. Рытхэу.

«Под сенью волшебной горы» [8] развивалось и творчество С. Курилова, который был увлечён книгами И. Гончарова, Л. Толстого, М. Горького... Так, диалогия юкагирского автора «Ханидо и Халерха» и «Новые люди», по наблюдению исследователя, проникнута поистине «горьковским психологизмом» [1, с. 229]. Несомненно влияние русской классики и на творчество Т. Одулока, Г. Ходжера и других авторов. Причём усвоение ими художественного опыта великих предшественников наблюдается не столько в заимствовании мотивов, сколько на структурном, методологическом уровне. В данном аспекте, если рассматривать творчество некоторых национальных писателей, возникает и проблема двуязычия, которое является ещё одной формой взаимодействия с русской культурой.

Традиции «большой» литературы в творчестве русскоязычных прозаиков региона второй половины XX века характеризуются не меньшей глубиной и многообразием. Существенно и то, что в произведениях северных авторов всё больше проявляется воздействие не только классической, но и новейшей отечественной словесности. Например, такие писатели, как А. Мифтахутдинов, О. Куваев, открыли в свое время лирико-романтический период в истории литературы региона. Поэтому им особенно были близки традиции русской лирической прозы. Это было обусловлено и особенностями литературной атмосферы 50-60-х гг., и тем, что сама действительность Севера как бы требовала не только достоверного показа событий и фактов, но и передачи особой романтической, с оттенком лиризма, атмосферы края. Лирика, по замечанию одного из исследователей, часто становилась «одной из форм одухотворения, “очеловечивания” теоретического знания, его превращения в поэтическую мысль» [2, с. 37].

Так, художественный стиль одного из самых лирических писателей края А. Мифтахутдинова формировался под «сенью» таких художников, как М. Пришвин, К. Паустовский, Ю. Казаков. Влияние природоведческих книг М. Пришвина ощущается в документально-лирических путевых повестях северного писателя «Орден Костяной Пластинки», «Озеро нетающего льда» и других. Художественное описание жизни, поведения и особенностей характеров животных в «Летних днях» К. Паустовского послужило своеобразным примером для создания образов «помощников человека» в повести А. Мифтахутдинова «Очень маленький земной шар», наполненной добрым и тонким юмором, большой любовью к «братьям нашим меньшим». Значительное воздействие на прозу автора оказал также «Северный дневник» Ю. Казакова. Так, например, во многом, вплоть до расстановки структурных акцентов и ритмической наполненности фраз, созвучно описание жизни бурого медведя Тедди у русского писателя и белого медведя Мишани у северного прозаика. Однако, несмотря на это, произведения А. Мифтахутдинова характеризуются сюжетным, композиционным и стилевым своеобразием, что свидетельствует о творческом характере заимствования традиций.

Для книг К. Паустовского, О. Берггольц, В. Солоухина, Ю. Казакова характерны субъективность, исповедальность, ориентация на душевный отклик читателя, в них присутствует мотив дороги, путешествия, придающий произведениям философический подтекст (мысль о поиске человеком своего истинного предназначения, смысла жизни). Повестям и рассказам этих авторов свойственна и особая композиция: смещение различных временных ракурсов, описательность повествования, его прерывистость. Сюжет в них не событийный, а ассоциативный. Эти же особенности характерны и для произведений северных писателей 60-х годов, в числе которых и уже названные книги А. Мифтахутдинова, и путевые повести О. Куваева «Не споткнись о Полярный круг», «Птица капитана Росса», «Весенняя охота на гусей»... Пейзажи этого прозаика овеваны, как и в «Северном дневнике» Ю. Казакова, проникновенно-лирическим тоном, романтической дымкой: «Мы видели, какими бывают лунные кратеры, мы видели марсианские закаты, мы помним хрупкую тишину и тихий посвист ветра среди камней, мы видели горных баранов на вершинах... Этого мало? Поспорим об этом позже...» [4, с. 85].

Однако если проза Ю. Казакова навеяна тургеневскими и чеховскими традициями, более лирична, чем романтическая, то О. Куваев больше увлечён экзотикой Севера, подвержен романтическим ассоциациям... Его творческой манере более близок стиль другого «лирика» – В. Катаева («Трава забвения») – с его обрывочностью, прерывистостью фраз, «телеграфичностью» повествования, необычными сопоставлениями и метафорами. В этом наиболее показательна повесть О. Куваева «Весенняя охота на гусей», где так же, как и у В. Катаева, наблюдаются выведение отдельных строк в абзац, наличие увеличенных пробелов между фразами, переходы от односложных, структурно-примитивных речевых периодов к развёрнутым и стилистически богатым. Уже в этом произведении намечается тенденция перехода О. Куваева к романтическому художественному мышлению, определившему своеобразие дальнейшего творческого пути художника (романтические черты проявляются даже в поздних произведениях писателя, таких, например, как роман «Территория»).

Определённым образом повлияли на русскоязычную прозу Северо-Востока и традиции «городской» прозы. Воздействие повестей Ю. Трифонова мы можем наблюдать, например, в произведениях 70-80-х годов В. Христофорова, А. Бирюкова. Так, в романе А. Бирюкова «Свобода в широких пределах, или Новая амазонка» так же, как и у Ю. Трифонова, большое внимание уделяется исследованию эволюции духовного мира человека, вышедшего из среды интеллигенции. Через ряд символических деталей, ситуаций и ассоциаций в произведении показаны деградация и жизненный крах изначально незаурядной, поэтичной личности. Автор творчески использует различные типы заимствований: мотивное, структурное цитирование лирики и прозы XX века. Последнее, кстати, сближает роман художника с литературой русского постмодерна и в то же время помогает глубокому осмыслению нравственной тематики произведения, даёт впечатляющее представление о духовной атмосфере Северо-Востока 60-70-х годов.

Наконец, существует ещё одна особенность, на которую исследователи мало обращали внимание. Это скрещивание и взаимовлияние творчества различных авторов внутри Северо-Восточного региона, отразившееся на характере всего его литературного развития. Например, творчество В. Тана-Богораза – одного из зачинателей этнографической прозы о Северо-Востоке России – издавна служило неким образцом для северных писателей. Интерес к особенностям жизни, обычаям коренного населения Чукотки определяет характер их произведений, что является своего рода традицией. Её использовали в разной мере Т. Семушкин, Ю. Рытхэу, Н. Шундик, В. Леонтьев и некоторые другие авторы. При всей несхожести художественной манеры, в особенности показа ими этнографических реалий и подробностей присутствуют следы влияния литературного «первооткрывателя» Северо-Востока России: фактографическая точность, достоверность изображаемого, наличие мифологических параллелей, фольклорной конкретики.

В. Тан-Богораз оказал воздействие и на творческие поиски одного из крупнейших северных прозаиков 60-80-х годов XX века – А. Мифтахутдинова. Например, уже в этюде «Помогите мне спеть аллилуйя...», открывающем первый сборник рассказов писателя «Расскажи про Одиссея» (1967), реалистично и зримо показаны особенности быта и традиций жителей Чукотки, скрупулёзно «выписаны» ритуалы праздника Луны, детали одежды, процесс приготовления пищи эскимосов. А. Мифтахутдинов дословно, по методу В. Тана-Богораза, приводит тексты эскимосских песен, используя характерные для их поэтики приёмы звукоподражания, мифологизмы, антропоморфизмы:

А эту девочку зовут Калянтону.
Видно, прислал нам её келе.
Вырастешь – пой сама эту песню.
И берегись северного ветра...
У-у-аахх! У-у-аахх!
У-у-аахх! У-у-аахх [5, с. 12]!

Или:

Я большой ветер.
Но не злой.
Я просто пою песню.
Иногда человек отдыхает
При большом ветре.
И поэтому на ветер
Нельзя обижаться [Там же, с. 13]...

Однако художественные картины жизни и обрядов северных народностей А. Мифтахутдинова и В. Тана-Богораза существенно отличаются. Это очевидно, например, при сопоставлении описаний танца чукотской женщины.

В. Тан-Богораз:

«Начался обычный танец, состоявший из довольно нелепого топтания на месте и разнообразившийся вставочными мимическими эпизодами наивно бесстыдного характера...» [3, с. 256].

А. Мифтахутдинов:

«Она... была обнажённой по пояс. Она пела и плясала, и рукава керкера болтались в такт движению её бёдер, и тень её, большая тень, металась по стенам, и казалось, что у неё четыре руки...» [5, с. 14].

Как видно, Тан-Богораз тяготеет к научной констатации и подробным натуралистическим перечислениям деталей. В своём творчестве он отдаёт предпочтение объективизированному изложению этнографического материала, что выдаёт в нём пытливого учёного.

А. Мифтахутдинов стремится к поэтическому осмыслению изображаемого. У него ощутимы признаки эмоциональной оценочности. Писатель заостряет внимание не на этнографической конкретике, а на экзальтации, приподнятости чувств героев. На это указывают и ритмичность фразы, и ассоциативность картины, и даже некоторая возвышенность лексики. Перед нами мироощущение художника-романтика, очарованного красотой и экзотикой Севера, едва только прикоснувшегося к тайнам открывающегося ему мира.

В зрелые периоды творчества А. Мифтахутдинова мы наблюдаем тенденцию к более строгому, серьёзному изложению событий. Писатель начинает смотреть на действительность не как юный романтик, а как взрослый, умудрённый житейским и литературным опытом реалист. В процессе его эволюции прослеживается и более серьёзное, бережное отношение к традициям его предшественников, в том числе и В. Тана-Богораза. Он учится у него показу жизни не на «внешнем», подражательном, а на «внутреннем», методологическом уровне.

В этом мы можем убедиться на примере повести «Перегон лошадей к устью реки Убиенки» (1979). Параллели с творчеством знаменитого предшественника в повести А. Мифтахутдинова прослеживаются и в общей тональности повести, большей реалистической направленности повествования, его драматизации, и в некоторых стилевых аспектах. Например, некоторую схожесть творческой манеры двух художников можно заметить в аналогичности реалистичных, даже натуралистичных описаний испуганных умирающих животных. В обоих описаниях делается акцент на движениях их ног, выражении глаз; писатели используют схожие по семантической окраске глаголы и эпитеты.

В. Тан-Богораз:

«Олень судорожно вздрогнул и дёрнулся всеми четырьмя ногами, как будто собираясь бежать, потом как-то опустился книзу. Глаза его выкатились и приобрели дикое выражение, ноги его дрожали мелкой дрожью, раздвигаясь врозь. Через минуту он рухнул на снег раной сверху и забился в агонию» [3, с. 149].

А. Мифтахутдинов:

«Орлика тошнило. Он всхрапывал. Под ним было мокро. Задние ноги его разъезжались, он бил копытом, часто падая на бок, но вставал, оседал на зад, но снова поднимался. <...> Глаза у коня были красные, на губах пузырилась пена...» [6, с. 170].

Сопоставление произведений двух писателей убеждает в том, что традиции В. Тана-Богораза оставили след не только в творчестве писателей периода становления литературы региона, но и в художественных поисках представителей новейшей северной прозы второй половины XX века.

Целый спектр литературных взаимодействий и «скрещиваний» наблюдается и в творчестве других северных прозаиков. Так, многое «взявший» у В. Тана-Богораза Т. Сёмушкин, в свою очередь, сыграл значительную роль в формировании творческой индивидуальности Н. Шундика. Взаимно влияли друг на друга О. Куваев и А. Мифтахутдинов. Творчество последнего автора, в свою очередь, повлияло на формирование художественной индивидуальности Н. Балаева. Данная тенденция развития северной прозы, без сомнения, требует серьёзного исследования.

Итак, даже при столь скромной характеристике проблемы литературных связей в северо-восточной художественной прозе можно увидеть, какие богатые и многообразные формы они приобретают. Основательное изучение этого явления даст возможность более глубокого осмысления многих аспектов развития не только региональной, но и «большой» отечественной литературы.

Список источников

1. Антошин К. Ф. Становление романа в литературах народов Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока: дисс. ... д. филол. н. Абакан, 1988. 330 с.
2. Бальбуров Э. А. Поэтика лирической прозы: 1960-1970-е годы. Новосибирск: Наука, 1985. 132 с.
3. Богораз-Тан В. Г. Восемь племён: северная проза. Магадан: Кн. изд-во, 1979. 270 с.
4. Куваев О. М. Зажгите костры в океане: рассказы и повести. Магадан: Кн. изд-во, 1964. 200 с.
5. Мифтахутдинов А. В. Рассказы про Одиссея: рассказы. Магадан: Кн. изд-во, 1967. 126 с.
6. Мифтахутдинов А. В. Спроси заклинателей духов: рассказы и повести. М.: Современник, 1982. 303 с.
7. Пузырёв В. Г. Проблемы истории русской советской литературы на Дальнем Востоке (1917-1941): идейно-тематические и стиливые особенности: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 1975. 60 с.

RUSSIAN LITERARY TRADITION IN THE FICTION OF THE RUSSIAN FAR NORTH-EAST

Yurina Marina Anatol'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
North-Eastern State University, Magadan
frigg@maglan.ru

The article identifies the basic tendencies of literary relations in the fiction of the Russian Far North-East, which are poorly investigated in the modern literary studies. Special attention is paid to the role of the Russian classical and modern literary tradition in the process of formation of regional literature. For the first time the accent is made on the specificity of assimilating Russian writers' creative experience – from their immediate participation in the formation of literatures having recently acquired a written form to “hybridization” of different authors' works within the North-Eastern region. The paper shows the peculiarities of influence of lyrical prose on O. Kuvaev's and A. Miftakhutdinov's creative development and discovers the specificity of A. Miftakhutdinov's assimilation of V. G. Tan-Bogoraz's traditions.

Key words and phrases: literary tradition; peculiarities of literary development; national prose; regional culture; national minority issues; bilingualism problem; method; style.